

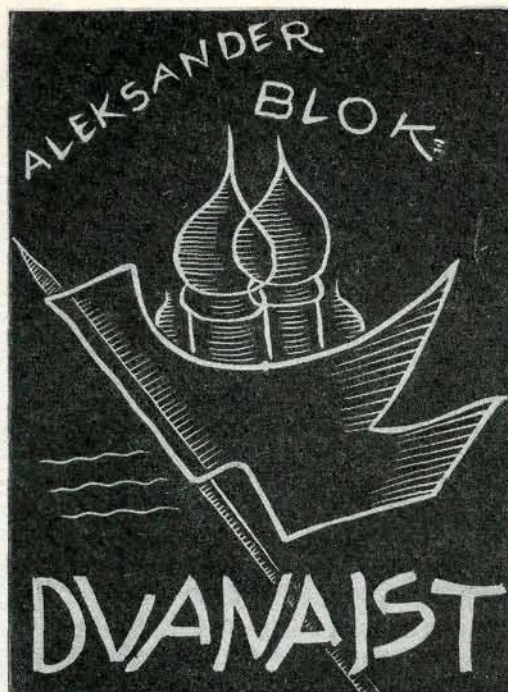
БЛОК В ЮГОСЛАВИИ

1920—1970-е годы

Обзор А. Флакера
(Загреб)

Интерес к Блоку в Югославии неразрывно связан с крупнейшим его произведением — поэмой «Двенадцать». Имя Блока появилось в югославской печати как имя поэта Октябрьской революции и в югославской критике и в сознании югославского читателя осталось навсегда прикрепленным к этому историческому событию мирового значения. Творчество Блока до 1918 г. едва ли привлекало внимание сербской, хорватской или словенской литературной критики того времени, и вряд ли можно обнаружить хотя бы один перевод на хорватский или сербский язык из дореволюционной лирики Блока до 20-х годов. Взоры представителей хорватского, словенского или сербского модерна не были обращены в сторону русского символизма. Традиционный интерес к русской литературе ограничивался в начале нашего века в основном прозой. Революция 1905 г. вызвала оживленный интерес к творчеству Леонида Андреева, после нее поднялась новая волна переводов сочинений Максима Горького, но если речь идет о новейших течениях русской поэзии, то, например, хорватское восприятие остановилось на Надсоне, которого очень ценил поэт модерна Домянич. Русский символизм, акмеизм, футуризм оставались в основном вне кругозора югославских литераторов. И лишь крупные исторические события, имевшие место в России, изменили положение: взоры обратились к тому *новому*, что должна была внести в литературу свершившаяся революция. В первое время это была поэзия.

Не случайно первые заметки о Блоке в Югославии появились в загребском авангардистском журнале¹. «Зенит» был тем журналом, который старался впервые информировать югославскую литературную общественность о новых явлениях в революционной русской литературе. Поэтому в журнале югославского авангардного направления в марте 1921 г. появляется заметка об авторе «Двенадцати»; в этом же году выходит здесь перевод Маяковского, приводятся высказывания Луначарского о «Пролеткульте» и публикуется Блок. Это были «Скифы», опубликованные на русском языке. Блоковское стихотворение, впрочем, вполне соответствовало основным позициям редактора журнала Любомира Миича. «Зенитизм» мыслился им как направление, «варваризирующее» литературу, причем «варварские» славянские Балканы противопоставлялись им утонченной и дряхлой культуре Западной Европы. «Скифство» Блока было созвучно этим идеям. Однако Миич вскоре отверг предложенный ему свидетелем революционных событий в России и сербским авангардным поэтом Станиславом Винавером перевод «Двенадцати». Эту поэму редактор «Зенита» не считал «зенитистским произведением», а кроме того, именно в это время произошла размолвка с целой группой представителей белградского авангарда, в том числе и с переводчиком «Двенадцати»². Первый перевод «Двенадцати» появился в конце этого года в загребском журнале «Критика», а несколько позже Винавер опубликовал его с некоторыми поправками и в двуязычном белградском журнале «Медуза» (1923), для которого тот же поэт перевел и несколько стихотворений Анны Ахматовой, в том числе и посвященное Блоку («Я пришла к поэту в гости»)³. В библиографии переводов блоковской поэзии за 1921 г. числятся еще два перевода дореволюционных

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ.
ПЕРЕВОД М. КЛОПЧИЧА.
ИЛЛЮСТРАЦИИ М. МАЛЕША

Любляна, 1928
Обложка

стихотворений, напечатанных Милутином Йовановичем в сараевском «Народе», а также и две анонимные попытки переводов на словенский язык в журнале «Нива» („Njiva“), в том числе перевод отрывка из поэмы «Двенадцать»⁴.

На смерть Блока появилось немало откликов в югославской печати. Следует, однако, выделить два из них. Во-первых, эссе известной сербской писательницы Исидоры Секулич в загребском журнале «Нова Европа» (1921), в котором дается высокая оценка поэме «Двенадцать» и революционности ее автора, во-вторых, некролог, написанный вернувшимся из русского плена Йосипом Бадаличем для журнала хорватских писателей «Савременик». К теме «Двенадцати» вернется Исидора Секулич в той же «Новой Европе» за 1923 г., подчеркивая в статье «Ода снегу» значение блоковской символики. В том же номере журнала Бадалич напечатал свой перевод «Незнакомки» наряду с русским источником. Он явился также составителем первого сборника поэзии Блока в Югославии: «Из современной русской литературы. Стихотворения

Александра Блока» (Загреб, 1927). В книгу включены стихотворения: «Россия», «Скифы», «Незнакомка», «Ночь, улица, фонарь, аптека...» и поэма «Двенадцать», — все в переводе Бадалича. Для этой книги переводчик написал вдохновенное предисловие, в котором особенно сказывается громадное впечатление от поэмы «Двенадцать»: «Выразительность поэмы — это выразительность событий: все импрессиивно, набросано отрывками, сдвинуто. Образы чередуются без передышки, возникают и исчезают. Как на каком-то неистовом экране. Прерывистые фразы, восклицания людей, „голоса“ ружей, ветра, возгласы всей безликой революционной массы. Все в этой поэме выполняет задачу и дает ей возможность заразить нас динамикой вулканических революционных событий.

Величие поэмы в том, что она достигла этого предельно»⁵.

В том же году в революционном словенском журнале «Младина» появились отрывки поэмы в переводе Миле Клопчича. Ее принял левый фланг словенской литературы. В 1928 г. Миле Клопчич, считавший себя пролетарским поэтом, опубликовал полный свой перевод «Двенадцати» в «Пролетарской библиотеке в Любляне» („Proleterska knjižnica v Ljubljani“). Предисловие к этому изданию написал Братко Крефт, критик и драматург, в то время тоже принадлежавший к движению словенской пролетарской и революционной литературы. Книгу оформил известный словенский художник Микша Малеш, а рецензировал перевод всегда интересующийся русской литературой Йосип Видмар в журнале «Люблянски звон» (1929). Там в том же 1928 г. появился перевод Клопчича (журнал был в то время ведущим в словенской литературе). Будто бы словенская культурная общественность хотела устроить малый симпозиум в честь поэта Октябрьской революции. Надо тоже отметить, что поэт Миле Клопчич именно своим переводом «Двенадцати» приобрел извест-

ность как переводчик русской поэзии на словенский язык (ему принадлежат прекрасные переводы Пушкина и других русских поэтов). С интереса к Блоку начинается, в сущности, и плодотворная критическая деятельность Братко Крефта в области русской советской литературы (Крефт впоследствии стал известным словенским русистом). Как молодой в то время критик и деятель пролетарского культурного движения, Крефт выступил со статьей о Блоке в журнале «Младина» уже в 1926 г., но и позже он будет писать о Блоке в органе хорватской и сербской «социальной литературы» — «Стожер» (1932).

С 1927 и 1928 г., со времени, когда в Югославии стали выходить отдельные издания Блока, переводы его стихотворений и критические отзывы о русском поэте появляются в литературной печати почти что регулярно. И все это происходило, несмотря на то что 30-е годы с их дискуссиями вокруг «социальной литературы» или «нового реализма» и общей установкой на прозу непосредственного социального воздействия не были для рецепции поэта-символиста особенно благоприятными. Русскую советскую поэзию в это время представляют в основном поэты других направлений: в начале 30-х годов популярен прежде всего Есенин⁶, в конце этого десятилетия на левом литературном фланге классиком становится Маяковский в толковании крупнейшего черногорского поэта и переводчика Радована Зоgovича. Но даже и в то время Блок считается одним из наиболее значительных явлений русской поэзии. Сопrotивляясь некритическому и восторженному восприятию Есенина и подражанию ему в хорватской и сербской литературе, один из самых выдающихся хорватских поэтов и сам представитель городской поэтической богемы, Тин Уевич, Есенину противопоставил именно Блока, никогда не писавшего «кабацкой поэзии»⁷. Уевич и сам переводил Блока. Его перевод «Ночной фиалки» опубликован в журнале «Преглед» (Сараево) в 1934 г.

Имя Блока уже раньше появилось как крупное имя мировой поэзии и на страницах эссе ведущего югославского революционного писателя Мирослава Крлежи. Для него Блок — это один из представителей извечной поэтической тоски, «которая течет в половодье стихов от Данте до Стендаля и Стриндберга, от Гомера до Гоголя и Блока»⁸, — это крупнейшее имя средне- и восточноевропейского символизма наряду с Рильке и Эндре Ади⁹, это — поэт «скифского фона», родственник Тувима, Ади и Матоша¹⁰. Неоднократно Крлежа упоминает и блоковское «революционное видение» Христа в «Двенадцати», соприкасающееся с его собственной «гогофской» символикой и созвучное образу Христа на парижских баррикадах в поэзии Краньевича (ср. стихотворение Краньевича „Ressurectio“, 1897 г.)¹¹.

В 30-х годах расширяется круг переводчиков блоковской поэзии, особенно в Сербии. Один из самых плодотворных переводчиков русской поэзии, прежде всего Есенина, М. М. Пешич, правда уже в 20-х годах, опубликовал несколько переводов из Блока (стихотворение «К Музе» в журнале «Будучност» за 1923 г. и три стихотворения в журнале «Српски книжевни гласник» в 1927 г.), но систематически этот свидетель революционных событий в России (Пешич учился в России с 1916 по 1921 г.) занялся Блоком в 1929 г., когда в его переводе в журнале «Живот и рад» появились четыре стихотворения из цикла «Стихи о Прекрасной Даме». Этому раннему блоковскому циклу переводчик остался верным и позже (ср. переводы в журналах «Южни преглед», 1934, 1936; «Преглед» 1934, «Српски книжевни гласник», 1935, 1936, 1937). Пешичу принадлежат и переводы других известных стихотворений Блока: «О доблестях, о подвигах, о славе...», «Душа молчит, в холодном небе...» (оба в журнале «Преглед», 1934), «Пушкинскому Дому» («Српски книжевни гласник», 1935), «Россия», «Незнакомка», «Унижение», «Вспомнил я старую сказку...», «Ангел-хранитель» (все в том же журнале за 1936 г.), «Фабрика» («Южни преглед», 1936), «Венеция» («Српски книжевни гласник», 1938). Можно сказать, что Пешич в 30-х годах значительно расширил представление о Блоке в сербской литературе. Среди переводов того времени надо выделить хотя бы еще переводы Кирила Тарановского, в настоящее время известного

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ
Иллюстрации М. Малеша
Люблина, 1928

литературоведа. Тарановскому принадлежат переводы стихотворений «Девушка пела в церковном хоре» («Критика», 1932), «Весенний день прошел без дела...» («Южни преглед», 1932), «Ночь, улица, фонарь, аптека...» («Слово», 1935). В Сербии переводили Блока также Лев Захаров, Петр Митропан и другие знатоки русской литературы.

В хорватской литературе переводов было меньше. Надо, однако, отметить, что известный хорватский поэт Густав Крклец переводил в 1931 г. «Двенадцать», но свой перевод не закончил, считая некоторые места «непереводимыми»¹². В 1935 г. в загребском журнале «Книжевник» («Književnik») напечатан перевод Ирины Кунин-Александр, но этот перевод критика обошла молчанием, а в современном литературоведении он считается неудачным¹³.

Разумеется, самые благоприятные условия для восприятия советской русской литературы были созданы в Югославии после 1945 г. Расширились культурные и литературные интересы, а в частности, были сломлены и те искусственные преграды, стоявшие на пути проникновения русской советской литературы, которые постоянно воздвигало югославское королевство, создавая «санитарный кордон». В новой обстановке взоры снова обратились к русским советским поэтам. Понятно, что Блок среди них занял почетное место. Его новая жизнь в Югославии началась, конечно, опять с поэмы о революции. В первое время печатались ее возобновленные, уже существующие переводы. Так, например, словенский перевод Миле Клопчича перепечатывался даже несколько раз в словенских газетах и журналах, выходивших в годы после окончания военных действий (орган КП Словении «Людска правица», 1945, 1946, 1947; иллюстрированный журнал «Товариш», 1946), и этот перевод до сих пор считается каноническим, несмотря на то что в 1959 г. появился в мариборском журнале «Нова обзора» («Nova obzora») перевод Душана Людвика.

В сербской литературе новая жизнь Блока началась несколько позже, но с нового перевода. В 1950 г. в молодежном белградском литературном жур-

нале «Младост» появился перевод М. М. Пешича, а несколько позднее только Винавер решил опубликовать отдельной книжкой новый вариант своего перевода 1921 г. с предисловием Пешича (А. Блок. «Дванаесторица». Белград, 1953). Эти переводы, в том числе и первый вариант Винавера, перепечатывались и позже в разных изданиях, особенно приуроченных к юбилеям Октября. Однако вследствие неудовлетворенности критики этими переводами¹⁴ и живого интереса к поэме появились и новые переводы. Так, в свой сборник переводов из Блока (А. Блок. «Песме», Белград, 1964) Божо Булатович включил и свой перевод «Двенадцати». Этот перевод впоследствии представлял Блока в черногорских изданиях, посвященных русской поэзии или Октябрьской революции. В 70-х годах поэму Блока перевели еще два знатока русской литературы: Радмил Мароевич, автор нескольких литературоведческих работ о Блоке, напечатавший свой перевод в журнале «Мостови» (1973), и литературовед из Белградского университета Миодраг Сибинович, включивший свой перевод в сборник блоковских стихотворений, вышедший под его редакцией (А. Блок. «Лирске песме и поэме». Белград, 1975).

Событием хорватской литературы стал в 1955 г. опубликованный в журнале «Реплика» перевод «Двенадцати», созданный двумя молодыми писателями — Антуном Шоляном и Иваном Сламнигом. Этот перевод, получивший высокую оценку первого хорватского переводчика Блока — Йосипа Бадалича¹⁵, многократно перепечатывался (с некоторыми изменениями). И до сих пор он считается в Хорватии каноническим переводом, несмотря на то что к 50-й годовщине Октября поэт Григор Витез в 1967 г. выпустил свой перевод отдельной книжкой. В 1979 г. Шолян и Сламниг усовершенствовали свой перевод для его публикации в учебнике по югославским и мировой литературе для средних школ. Можно тоже отметить, что для Шоляна как критика поэма «Двенадцать» представляла в определенное время некоторый критерий высокой художественности. Оценивая творчество современного хорватского поэта Юре Каштелана, в частности его поэму о партизанах «Тифозные» („Tifusari“), Шолян назвал это произведение «великим стихотворением, чем-то вроде наших „Двенадцати“, родственным им несколько и по структуре»¹⁶.

В освобожденной Македонии появились и первые переводы «Двенадцати» на македонский язык, до того времени бесправный. Так, в 1954 г. в журнале «Стремеж», выходящем в г. Прилеп, опубликована последняя часть поэмы в переводе Г. Костовского, в 1956 г. в журнале «Современост» напечатаны три последние части в переводе Михо Атанасовского, а в том же году вышел в Скопье, отдельным изданием, перевод Георгия Сталева. Уже в следующем году известный поэт и прозаик Гане Тодоровски опубликовал свой перевод в журнале «Млада литература» и отдельным изданием («Дванаестмината». Скопье, 1957) с послесловием славистки Лиляны Мойсовой. Наконец, в 1966 г. появился в Скопье и более полный сборник стихотворений Блока («Поезија») с переводами лирики и поэмы «Двенадцать», принадлежащими академику, поэту и крупнейшему македонскому филологу Блаже Конескому.

Поэма «Двенадцать» была и осталась в Югославии несомненно самым известным произведением Блока. Она же привлекла и привлекает до сих пор интерес и к другим, лирическим, стихотворениям русского поэта «рубежа эпох». Не будем здесь перечислять переводы, опубликованные во многих литературных журналах. Укажем только на появление сборников блоковской поэзии. Прежде всего надо отметить сборник переводов М. М. Пешича под заглавием «Стихотворения о Прекрасной Даме, о родине и революции» («Песме о Дивној Дами, о отаџбини и револуцији». Белград, 1953). В этот сборник вошли преимущественно довоенные переводы его составителя, но здесь вновь опубликован и перевод «Двенадцати», 1950 г. Несколько позже вышел в Загреб сборник стихотворений (А. Блок. „Pjesme“. Загреб, 1957), подготовленный Сламнигом и Шоляном. В 1964 г. издал в Белграде уже упомянутый сборник своих переводов Божо Булатович; этот сборник, как

и пешичевский, уже в 1965 г. вышел вторым изданием. В 1975 г. опубликован упомянутый выше сборник Миодрага Сибиновича.

Стихотворения Блока, особенно поэма «Двенадцать», публиковались и в ряде других изданий. Уже до войны в антологию «Русской лирики» Й. Бадалича и Н. Федорова („*Ruska lirika*“). Загреб, 1939) вошли четыре стихотворения Блока («Девушка пела в церковном хоре...», «Незнакомка», «Россия» и «Рожденные в года глухие...») в переводе Томислава Прпица. В освобожденной Югославии первый антологический обзор, представивший читателю довольно широко русскую поэзию XX в.— это книга «Новейшая русская поэзия» («*Модерна руска поезија*», Белград, 1961, второе издание — 1975), вышедшая под редакцией Милицы Николич и Наны Богданович с предисловием Наны Богданович. Блок в этой антологии представлен поэмой «Двенадцать» в переводе Винавера, но лирические стихотворения поэта выбраны не по обычному «антологическому» принципу. Собственно говоря, это «поэтический» выбор. Стихотворения, вошедшие в антологию (среди них: «Ты в поля отошла без возврата...», «Я вышел. Медленно сходили...», «Город в красные пределы...» и т. п.), сугубо лирические,— это переводы, сделанные Ольгой Влаткович и молодым, преждевременно ушедшим из жизни сербским поэтом Бранко Мильковичем. Двенадцать стихотворений в этом сборнике, может быть, и не представляют читателю Блока «хрестоматийно», но и без подробного анализа можно сказать, что они отличаются своей поэтичностью.

Среди других сербских изданий надо хотя бы упомянуть антологию М. М. Пешича с его же переводами, вышедшую под заглавием «От Пушкина до Евтушенко» («*Од Пушкина до Јевтушенка*». Белград, 1967), сборник «Поэзия Великого Октября» («*Поезија Великог Октобра*». Белград, 1967) под редакцией Д. Костица и Л. Захарова (с переводом «Двенадцати» С. Винавера), а также сборник «В Октябре» («*У Октобру*». Белград, 1960) под редакцией М. Джюрича с предисловием Н. Богданович (сюда включен и перевод «Двенадцати» С. Винавера).

Два сборника русской поэзии, в которых представлен Блок в переводах Б. Булатовича, вышли в Черногории: антология «Русская поэзия XX века» («*Руска поезија XX вијек*». Титоград, 1966), вышедшая под редакцией самого Булатовича, и сборник «Поэзия красного Октября» («*Поезија црвеног октобра*». Цетинье, 1967) под редакцией Д. Четковича.

В 1977 г. вышла двуязычная антология русской поэзии (русские оригиналы и сербские переводы), составленная А. Петровым («*Антологија руске поезије. XVII—XX век*», I—II, Белград, 1977). В нее тоже, разумеется, вошли переводы из Блока: «Сумерки, сумерки внешние...», «Фабрика», «Русь», «Незнакомка», «На поле Куликовом» (весь цикл), «О доблестях, о подвигах, о славе...», «Россия», «Равенна», «Ночь, улица, фонарь, аптека...», «Рожденные в года глухие...», «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...», «Скифы», «Двенадцать» (1-я и 12-я части). Переводчиками в этом сборнике являются М. Сибинович, С. Раичкович, А. Петров, М. М. Пешич, Б. Милькович.

Стихотворения Блока представлены и в антологиях мировой поэзии и литературы. Так, переводы из Блока найдем в «Антологии мировой лирики» („*Antologija svjetske lirike*“). Загреб, 1955), вышедшей под редакцией Славко Ежича и Густава Крклеца, но самое большое распространение получила блоковская поэма в издании «100 крупнейших произведений мировой литературы» («*100 najvećih djela svjetske lanjizevnosti*»). Загреб, 1962) под редакцией А. Шоляна. Это популярное и рассчитанное на массового читателя издание перепечатывалось уже много раз (в 1964, 1968, 1969, 1970, 1972 и 1973 гг.) всегда большими тиражами! Наряду с этим изданием Шолян выпустил сборник «100 мировых поэтов» („*100 pjesnika svijeta*“). Загреб, 1970), разумеется, тоже со своим (и Сламнига) переводом «Двенадцати».

Переводы Блока на сербский или хорватский язык уже с 20-х годов вызывали оживленный интерес критики. Вокруг переводов «Двенадцати» разгорались горячие споры, в которых соревнование переводчиков чередова-

DR. JOSIP BADALIĆ
IZ SAVREMENE RUSKE KNJIŽEVNOSTI

PJESME ALEKSANDRA BLOKA

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА БЛОКА.

Загреб, 1927

Обложка

А. БЛОК

ДВЕНАЕСТОРИЦА

ПРОСВЕТА • БЕОГРАД

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ

Белград, 1953

Обложка

лось с постановкой серьезных вопросов, касающихся проблематики переводов русской поэзии. При этом надо обратить внимание на то, что неудовлетворенность сербскими и хорватскими переводами «Двенадцати» была закономерна: ее должны были вызвать структурные различия между русским языком и языком перевода (особенно в системе ударений; в этом смысле выгодно отличается словенский язык, допускающий, например, возможность передать русский ямбический стих¹⁷). Сказалось также отсутствие в хорватской и сербской поэзии традиции развернутой символистской поэтики, созданной в России Белым, Блоком и Вячеславом Ивановым¹⁸.

Не случайно, однако, Блок в Югославии стал не только предметом полемики о качестве того или иного перевода (о Блоке писали боснийский поэт Изет Сарайлич, хорватские поэты Никола Миличевич, Антун Шолян, Григор Витез, Звонимир Голоб, сербский поэт Вранко Милькович и др.), но и предметом литературоведческих работ. С одной стороны, Блок после 1945 г. уже не нуждался в критической рекомендации и основной информации, он ожил вновь как крупное явление русской и мировой литературы, на которое можно было ссылаться в тех или иных спорах, но сам он уже был ценностью бесспорной. С другой стороны, после освобождения страны начала развиваться югославская русистика и значительно расширился интерес к русской и советской литературе не только в литературной критике; появилось поколение литературоведов, уже научно занимающихся вопросами русской литературы, среди них и те, которые в орбиту своих литературоведческих интересов включали и блоковское творчество. В настоящий момент можно даже говорить о югославском «блоковедении». Среди литературоведов, занимающихся Блоком, надо выделить хотя бы некоторые имена: Милосав Бабович (Белград), Нина Богданович (Белград), Витомир Вулетич (Нови Сад), Миливос Йованович (Белград), Братко Крафт (Любляна), Радмило Мароевич (Белград), Драган Неделькович (Белград), Радмило Мароевич (Белград), Сава

Пеичич (Ниш), Миодраг Сибинович (Белград), Мила Стойнич (Белград). И конечно, Нестор югославской славистики — Йосип Бадалич (Загреб), создатель первого сборника поэзии Блока в Югославии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиографический обзор статей о Блоке на сербском или хорватском языке см. в приложении к работе: Р. Мароевич. Символика поэме «Двенадцать» А. Блока и проблемы ее перевода на родной словенский язык. — «Зборник за славистику», II, 1976, с. 57—67.

² См. мою работу «Zenit» i sovjetska književnost, «Mogućnosti», 1960, 9—10, с. 1216—1228.

³ Полный свод переводов «Двенадцати» на сербский или хорватский язык ср. тоже в приложении к статье Р. Мароевича, с. 54—57.

⁴ Библиографические справки о переводах Блока в Югославии до 1941 г. ср.: «Bibliografija rasprava, članaka i književnih radova, III Strana književnost, III/I Poezija», Zagreb, 1958, с. 446—447.

⁵ J. Badačić. Iz savremene ruske književnosti — Pjesme Aleksandra Bloka. Zagreb, 1927, с. 15.

⁶ См. мою статью «Hrvatski pjesnici i Sergej Jesenjin» в книге: A. Flaker. Književne poredbe, Zagreb, 1968, с. 428—439.

⁷ «Boem Jesenjin, burgijas i huligan», 1934. — В кн.: «Hrvatska književna kritika VIII, Tin Vjevic». Zagreb, 1964, с. 289.

⁸ «Marginalije uz slike Petra Dobrovica», 1921. — В кн.: Miroslav Krleža. Hrvatska književna kritika VI. Zagreb, 1953, с. 50.

⁹ «O Marcelu Proustu», 1926. — Там же с. 140.

¹⁰ «Madzarski lirik Andrija Ady», 1930. — Там же, с. 150.

¹¹ «Marginalije uz slike Petra Dobrovica». — Там же, с. 69. Ср. тоже «O Kranjčevicевой lirici», 1930 в кн.: M. Krleža. Eseji, I. Zagreb, 1932, с. 30.

¹² См. работу Р. Мароевича, с. 23.

¹³ См.: J. Badačić. Rusko-hrvatske književne studije. Zagreb, 1972, с. 463—464; Р. Мароевич. Цит. работа, с. 18.

¹⁴ См. обзор критических высказываний о переводах «Двенадцати» в статье Мароевича, с. 16—22. См. тоже его статью «Српски преводи Блокове поеме «Двенадцать», «Мостови» III, 1972, II, с. 193—203; 345—348.

¹⁵ Ср.: J. Badačić. Rusko-hrvatske književne studije, с. 464.

¹⁶ A. Solan. Pogled na poeziju Jure Kastelana. — «Krugovi», 1955, N 8, с. 562.

¹⁷ Ср.: J. Badačić. Rusko-hrvatske književne studije, с. 467.

¹⁸ О вопросах, связанных с переводом блоковской символики, ср. в работе Р. Мароевича, с. 25—40.